

странными истолкованіями: напр., совершенно несомнѣнное значеніе слова *αἰτία* — «причина» передается страннымъ и неожиданнымъ образомъ по французски какъ *ascenseur*. Пониманіе Плотина, которое выражено во введеніи къ отдѣльнымъ главамъ, есть пониманіе наиболѣе близкое къ западной теологіи. Альта всегда беретъ Плотина всерьезъ, но Плотинъ становится у него рациональнымъ, разсудочнымъ христіанскимъ теологомъ. Однако, Альта совершенно справедливо и съ неутомимой настойчивостью показываетъ всю несправедливость и необоснованность упрековъ въ пантеизмъ обычно обращенныхъ противъ Плотина. Только тотъ, кто сравнитъ французскій переводъ съ греческимъ текстомъ, сумѣетъ оцѣнить точность перевода и добросовѣстность переводчика. Нужно еще признать, что французскій языкъ, равно какъ и латинскій, наименѣе удобенъ для перевода съ греческаго. И нѣмецкій и русскій даютъ болѣе широкія возможности.

Б. В ы ш е с л а в ц е в ъ.

STEEFAN ZANKOW. — Das orthodoxe Christentum des Ostens. Sein Wesen und seine gegenwärtige Gestalt. Berlin. Furche-Verlag. 1928. 8, s. 142.

Книга о. Цанкова написана для западныхъ читаталей, для нѣмецкаго протестантскаго міра. Это — отвѣтъ на заданный вопросъ, на вопросъ о «сущности восточнаго христіанства». Авторъ отвѣчаетъ на него коротко и просто. Православная Церковь есть «Церковь преданія». Она «есть и хочетъ быть древнею Церковью, Церковью Апостоловъ и великихъ Отцовъ, Церковью Первохристіанства, Церковью Вселенскихъ соборовъ и нераздѣльнаго единства»... (s. 31). Въ этомъ Ея живое начало и средоточіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ это — Церковь внутренней свободы, свободы въ единствѣ и любви... Въ рядѣ очерковъ о. Цанковъ подтверждаетъ эту характеристику при изложеніи и разборѣ вѣроученія, церковнаго самосознанія, богослуженія, благочестія и историческихъ дѣлъ. Онъ пишетъ съ чувствомъ и сознаниемъ всей значительности и новизны переживаемаго нами времени. Съ XIX-го вѣка, утверждаетъ онъ, начинается «періодъ ранняго Возрожденія въ Православіи». Восходитъ заря новой жизни, и нынѣ Православный Востокъ «стоитъ передъ задачею своего чистаго самоосуществленія». (s. 27-28). И въ это рѣшительное время онъ встрѣчается съ протестантскимъ міромъ. Здѣсь тоже въ послѣдніе годы свершается религіозное обновленіе и мистическій подъемъ, — проявляется и обостряется жажда церковности и вселенскаго единства. Авторъ пишетъ подъ живымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ недавнихъ и учащаю-

щихся встрѣчь Православія съ протестантизмомъ. При всѣхъ различіяхъ и расхожденіяхъ авторъ чувствуетъ и подчеркиваетъ близость Востока и *протестантскаго* Запада. Христоцентрической смыслъ и характеръ протестантскаго благочестія, — вотъ что дорого и близко православному сердцу, что дѣлаетъ и возможно, и желанною встрѣчу въ единомушіи и дѣйственной любви (s. 136ff.).

Отцу Цанкову пришлось говорить о многомъ, и потому, конечно, не могъ онъ сказать всего. И, можетъ быть, не во всемъ его правильно понимали и понимаютъ его западные слушатели и читатели. — И, прежде всего, врядъ ли слѣдуетъ, безъ точныхъ и четкихъ поясненій, говорить, что «догма Церкви въ дѣйствительности невелика по объему» (s. 37; s. 62, A. 81). Есть извѣстная двусмысленность въ обычномъ и привычномъ опредѣленіи понятій «догмата» и «догмы». Въ строгомъ и узкомъ понятіи «догмата» неразлучно сопрягаются моменты учительный и каноническій. Въ этомъ смыслѣ догматъ есть не только «истина вѣры», но и *въроопредѣленіе*, установленное и воспризнанное вселенскимъ сознаніемъ, и вселенскою волею и властію Церкви. И въ немъ нераздѣльны «форма» и «содержаніе», и потому неизмѣняемъ и неизмѣненъ не только «смыслъ», но и логическій и словесный составъ, самый образъ реченія. Не только по смыслу, но и по буквѣ неизмѣнны и обязательны и Символь вѣры, и «оросы» Вселенскихъ соборовъ и невозможно развитіе «догматовъ», хотя бы въ «субъективно-формальномъ» отношеніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно невѣрно допускать, что за предѣлами, за оградой догматическихъ опредѣленій сразу же начинается та область «сомнительнаго», въ которой необязательно «единство», но позволительно «свобода», — *in dubiis libertas!* Догматическія формулы не исчерпываютъ и не покрываютъ всей полноты «подлежащаго вѣрѣ» (*credenda de fide*), не покрываютъ всей полноты «необходимаго» въ церковномъ вѣдѣніи. *«Истинъ вѣры» больше, чѣмъ «догматовъ».* Въ опытѣ Церкви дано и открыто неизмѣримо больше, чѣмъ выражено и изречено въ неприкосновенныхъ словахъ. И *обязательность этого опыта*, богоблагодатнаго и непогрѣшительнаго, не становится меньше отъ того, что онъ не облеченъ и не окованъ словесною броней догматическихъ опредѣленій. Можно ли, на примѣръ, живое самосознаніе Церкви, раскрытое и исповѣданное литургически, считать только «вѣроятнымъ» и допускающимъ произвольный отборъ и пріятіе? «Богословіе «литургическое», вѣрно указывалъ Архіепископъ Θεодоръ, «т. е. богословствованіе цѣлаго сонма церковныхъ пѣснописцевъ и писателей, въ большинствѣ случаевъ прославленныхъ Православною Церковью и причисленныхъ къ лику святыхъ, выраженное ими въ церковно-богослу-

жебномъ творествѣ и принятое въ употребленіе всей Православной Церковью, поистинѣ должно разсматриваться какъ непрестанное (въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ) и живое исповѣданіе вѣросознанія всей Православной Церкви на протяженіи всей исторіи ея жизни; это есть богословствованіе въ собственномъ смыслѣ слова всей Церкви, а не одной эпохи, не одного какого нибудь лица, не одной богословской школы». . . Цѣломудренную молчаливость и несловоохотливость Православной Церкви на Западѣ часто принимаютъ за Ея догматическій минимализмъ. И съ этимъ именно связаны были, напримѣръ, тѣ трудности, на которыя въ недавнемъ прошломъ претыкалось дѣло сближенія русской православной Церкви съ нѣмецкими старокатоликами и съ англиканствомъ. И потому здѣсь требуется величайшая точность и строгость въ опредѣленіяхъ. И больше всего нужно помнить, что догматы и истины вѣры суть *свидѣтельства* объ опытѣ, въ которомъ все дано однозначно, хотя въ разной степени можетъ быть познано и описано въ словѣ.

Отецъ Цанковъ касается важнаго и труднаго вопроса о предѣлахъ Церкви, и поддерживаетъ взглядъ, по которому и инославные христіане должны быть признаны въ составѣ Церкви, единой Церкви Христовой (s. 73 ff.). Этому вопросу онъ смогъ удѣлить, къ сожалѣнію, всего три съ небольшимъ странички. А между тѣмъ въ немъ весь смыслъ встрѣчи Православія съ Западнымъ міромъ. Въ сужденіи о. Цанкова есть извѣстная правда. Здѣсь воспоминаются чуткія слова Хомякова о тѣхъ, кто связанъ съ Церковью узами, которыхъ Господь не соизволилъ Ей открыть. Дѣйственность крещенія, совершеннаго во имя Святой Троицы, хотя и за каноническими предѣлами Церкви, есть великая и пророческая тайна. Врата Церкви открываются, и открываются, во-истину, чуждыми ей людьми. . . И въ единствѣ крещенія въ какомъ то отношеніи всѣ сопринадлежны въ составѣ единого тѣла. Трудно перевести это на языкъ догматическихъ понятій. Есть нѣкая тайна мистическаго предцерковнаго двора. Но это не значитъ, что «не до неба» подымается стѣна самого храма. Это значитъ только, что Духъ вѣетъ, идѣже хочетъ. . . И грядущихъ къ Нему не изгоняетъ Христосъ, но и намѣреніе цѣлуетъ. Объ этомъ время серьезно задуматься. И тогда, быть можетъ, откроются другъ другу «восточныя» и «западныя» души. . .

Г е о р г і й В. Ф л о р о в с к і й.

О русскихъ книгахъ. — Въ послѣднемъ № Revue de l'histoire ecclésiastique (Louvain, t. XXIV, № 1, Janvier 1928) проф. В. Н. Бекешевичъ помѣстилъ интересный обзоръ церковно-историческихъ работъ и изданій, вышедшихъ въ Россіи послѣ революціи. На первомъ мѣстѣ нужно назвать «Библейскую